

Ольга ГРИГОРЬЕВА

ЯВЛЕНИЕ СНЕГА

Стихотворения

* * *

Снегопад надвигается воинством – тихим и стройным.
Эти русские церкви под снегом густым многослойным...
Посмотри на него, как на кольца деревьев –
и узришь,
Сколько раз заносило пургой, заметало до крыш.
Отряхнём сапоги – вот и веник... И шапки,
и шубы.
Обернётся библейский старик на досадные шумы.
Здесь вечерняя служба идёт, из пяти человек.
Нелегко им, наверно, молиться – за русских,
за всех.
Если что и спасёт этот мир от падений бездонных –
Только тихие службы в церквушках, до крыш занесённых,
Где иконы возможно писать с этих старческих лиц,
Где молитва для Бога слышней, чем из шумных столиц.

* * *

А что ты хотела? Нет вечного ничего.
И старится тело, и ты не спасёшь его.
Но что-то летает, парит и поёт в душе,
Как будто не знает, что жизнь не вернуть уже.
Но коль не стареет – летает, парит, поёт
(Догадка согреет) – то, может, и не умрёт?

* * *

Бессонница месит воздух руками сильными.
И воздух сгущается. Появляются очертания,
Какие-то штрихи, полукружья, линии...
Ночное общество. Параллельное мироздание.
Ах, как прекрасно, что все они вместе, рядышком,
Беседуют чинно, не смущая меня вопросами –
Поэты мои любимые. Мама. Бабушка.
Отец со своею вечною папиросою.
И в эту ночь совсем не страшно и не жутко мне
Остаться с ними, шагнуть за черту, за линию,
Где встретят меня заботой, стихами, шутками,
Где быть возможно понятой и любимой.

* * *

Бывает, траву засыпают землёй,
И новые клумбы чисты и фальшивы.
И сеют на них резеду и левкой.

Но бьются травинки: «Мы живы! Мы живы!»...
Небесный садовник, чего он хотел?
Тяжёлую толщу с трудом пробиваю.
Прорвёмся? Останемся здесь, в темноте?
Не знаю. Не знаю, не знаю, не знаю...

* * *

Ветер с запада, солнце с востока,
Ослепительность майского дня.
Жарко. Зябко. В толпе одиноко,
И никто не поддержит меня.

В нашей жизни намешано столько...
Но душа благодарно дрожит.
Ветер – с запада. Солнце – с востока.
Посредине Россия лежит.

* * *

Вначале лето хочется цедить,
По капельке цедить, как одиночество.
Затем – уехать, улететь, уплыть,
Жарю наслаждаться очень хочется.
Потом от лета тоже устаёшь –
Мы непривычны к вечным райским прелестям...
Приятна нам прохлада, редкий дождь,
И в суматоху летнюю не верится.
И пусть исход известен наперёд,
Себя не будем хоронить заранее.
Господне лето длится. Жизнь идёт.
Светла зима. Теплы воспоминания.

«Дёрни за верёвочку»

– Дёрни за верёвочку, дверца и откроется...
Эта сказка детская до сих пор жива.
Ах, как все доверчивы! Ах, как всё устроится,
Даже без особого чуда-волшебства.
Просто шли охотники, смелые и вольные...
Живы все и счастливы, только волка нет.

...На столе на письменном лампа есть настольная.
Дёрну за верёвочку – загорится свет.
Долго-долго светится по ночам та лампочка.
Сказка – это выдумка, сладостная ложь.
Что ж мне вспоминается Красная та Шапочка?
Дёрну за верёвочку. Вдруг на свет зайдёшь?

* * *

Мне так хочется показать тебе чернолученские места:
Неподвижную воду старицы у разрушенного моста;
Как пронизаны колбы воздуха на закате косым лучом
И заброшенный лагерь отдыха с облупившимся Ильичом.

Мне так хочется показать тебе и огромную стрекозу,
И сосну, что роняет янтарную и светящуюся слезу.
Ивы в пойме стоят на цыпочках – будто впрямь Берендеев лес!
И висят пауки на ниточках... Даже лешие бродят здесь!

И когда ты в оазис сказочный наконец-то приедешь вдруг,
То увидишь, что бор загадочный – этот тёмно-зелёный лук
Так натянут, почти до предела, над излучиной Иртыша,
Чтоб стрелой парила-летела нестареющая душа!

27 августа 2013,
Чернолучье, Омск

* * *

Набуянился день, нашумелся ветрами, а к ночи притих.
И деревья тихи – утомили их буйные ветры.
Жёлтых листьев последних совсем не осталось на них –
Только голые ветки.

Набуянилась молодость, нашумелась, напенилась всласть.
Ах, как старость тиха, и послушна, и правильна очень.
Но готова отдать и признание, и деньги, и власть
За каких-то полночи.

Есть особая прелесть в замеревших деревьях в саду,
На окраине бывшей страны, на окраине века.
Я с душою спокойной у окна полуночного жду
Появления снега.

Актёр в больнице

Актёр в больнице – это не актёр.
По-настоящему печален взор,
Ведь занавес судьбы сомкнётся скоро...
О, здесь он не играет роль актёра.
Он искренен. Он целен. Он глубок.
Хотя цветы не падают у ног,
Но победила боль рисовку, фальшь.
Ты правда здесь велик, народный наш!
Жизнь пронеслась обрывком киноленты,
Последние грядут аплодисменты...
Сто раз играл печаль прощальных слёз.
А умирать приходится всерьёз.

Из цикла «Цветаевой»

От Тарусы до Елабуги

От Тарусы до Елабуги –
Горькая дорога дальняя.
От Тарусы до Елабуги –
Коктебель, Серёжа, Макс...
И весёлая мелодия,
И мелодия печальная.
От Тарусы до Елабуги
Встретится любовь не раз.

От Тарусы до Елабуги –
И Берлин, и Прага дивная,
И парижские метания,
И разруха, и война...
И мелодия народная,
И мелодия старинная
О судьбине злой скитальческой,
Коль оставлена страна.

От Тарусы до Елабуги –
Как от жизни до бессмертия,
И летит её мелодия,
Избавляя от тоски,
По-над пропастью забвения,
Разбивая лёд неверия,
От Тарусы до Елабуги,
От Парижа до Москвы.

От Тарусы до Елабуги
Бездорожье и колдобины...
Над полянами цветущими
Облака плывут, легки.
Босиком идёт Цветаева
По тропинкам милой родины.
Не цветы под ноги клонятся,
А стихи, стихи, стихи...

Цветает...

Наевшись свобод и колбас, наглотавшись словесной трухи,
Задумались люди – а всё-таки что нас спасает?
Любовь. И, конечно же, вера. И эти стихи.
Светает. Цветает...

Как ночь ни темна, поэтический солнечный луч
Пробьёт мракобесия тьму, победит. Побеждает!
И в этом – надежда, спасения нашего ключ.
Светает. Цветает...

Я верю в могущество слова. Воспрянет оно,
И морок удушливый сгинет, осядет, растает.
И внук, засидевшись за книгой, посмотрит в окно:
Цветает...

